

Слово Архиепископа Никона (Рождественского), Вологодского и Тотемского (+1918г.) в день Святого Благоверного Князя Александра Невского

Небесный покровитель русских царей.

Познай свою братию, Российский Иосифе, не в Египте, но на небеси царствующий!.. (Тропарь св. Князю Александру Невскому).

Кто сей избранник Божий, которого св. Церковь именует Российским Иосифом? — Это св. благоверный великий князь Александр Невский. Он подобен был древнему оному Иосифу прекрасному и красотой телесной, и разумом, и всеми прекрасными свойствами своей святой души. Чем был Иосиф для своих братьев в чужом для них Египте, под властью фараонов, тем был Александр для народа русского в родной своей земле под владычеством татар.

Он был еще юношей, когда русскую землю посетил великий гнев Божий — страшный голод: сначала люди ели мох, древесную кору, потом стали есть всякую нечисть; родители продавали детей в рабство, чтобы только добыть себе хлеба; брат брату, отец сыну, мать дочери отказывали в куске хлеба. Люди обращались в голодных зверей: обезумев от голода и отчаяния, несчастные не гнушались есть человеческие трупы, а некоторые доходили до такого неистовства, что нападали на живых людей, резали и пожирали их... И вот, в сие то ужасное время юный Александр Ярославич научился быть «сиротам и вдовицам заступником, беспомощным помощником», не жалел себя, чтобы облегчить чужия страдания, и «не изыде из дому его тогда никтоже тощ», подобно тому, как никто не уходил и от ветхозаветного Иосифа без хлеба во время семилетнего голода.

Страшна была сила татарская для бедной Руси того времени; нечего было и думать бороться с ней тогда. И лучше всех своих современников понимал это наш благоверный Александр: он не стал раздражать грозных завоевателей бесполезным сопротивлением, напротив: своею мудростью, своим смирением и покорностью, своим ласковым обращением и богатыми подарками достиг того, что Россия сохранила власть своих князей, что ей оставлены были ея родные законы, что татары оставили в покое св. Церковь Православную — это заветное сокровище русской земли, и князья русские удержали право войны и мира без

всякого посредства ханов и их сановников. Пять раз на своем недолгом веку побывал св. князь-труженик в Золотой Орде, которая находилась в глубине Азии, у истоков Амура; нельзя и представить себе, сколько трудов стоили тогда эти путешествия, продолжавшиеся иногда по целому году. Несколько тысяч верст нужно было переезжать — то по болотам непроходимым, то по странам, разоренным татарами, то по степям, населенным дикими кочевниками, или же покрытым сыпучими песками. И каждый раз надобно было прощаться с родною землей, с родною семьей, прощаться навсегда, предавая их и себя в руки Божии... Не так трудно было ветхозаветному Иосифу ходатайствовать за братьев своих пред фараоном египетским, как нашему родному российскому Иосифу великому князю Александру Ярославичу отстаивать родную землю русскую пред могущественными тогда ханами татарскими.

Но с одними ли татарами приходилось ему иметь дело? Нет; не раз защищал он землю русскую от литовцев и разных финских племен, не раз смирял он и гордых, упрямых новгородцев. А кто не знает о его славной победе над шведами на берегах Невы, о той победе, за которую благодарное потомство усвоило ему прозвание *Невскаго*? А знаменитое *Ледовое побоище* на Чудском озере, когда наш Александр Ярославич разбил на голову немецких рыцарей? Ведь эти славные победы и одолжения, одержанные им при помощи небесной, надолго избавили русскую землю от дерзких покушений римскаго папы и его слуг, которые покушались совратить русских людей в веру латинскую. Ведь не будь этих побед — кто знает? может быть русская земля заразилась бы тем же тлетворным духом латинства, который загубил ея родную сестру — Польшу, а это было бы таким великим несчастьем, в сравнении с которым самое иго татарское есть милость Божия... Вот почему летописцы, современники Александра Невскаго, говорят о нем с восторгом и глубоким благоговением «Как я, недостойный и многогрешный, дерзну написать повесть об умном, кротком, смысленном и храбром великом князе Александре Ярославиче!» восклицают они. — Даже иностранцы, посещавшие тогда Россию, не могли не отдать дани уважения ея славному князю: «прешед многи страны и языки, говорит один из них, и видех многи цари и князи, и нигде же таковаго красотою и мужеством не обретох, ни в царех царя, ни в князех князя, якоже великий князь Александр»...

Как яркий светильник горел в нем явно для всех дар Божий — печать Божия избрания, и этим-то даром Божиим все любовались в нем. Он был славой русскаго народа, его надеждой, его утехой и похвалой. «Братие мои, зашло солнце земли русскои!» воскликнул первосвященник, возвещая его кончину, и весь народ зарыдал по нем, все оплакивали его как своего земнаго ангела-хранителя. Зависть и злоба, эти самыя горькия отравы жизни, никогда не

находили места в его чистом сердце, исполненном доброты, кротости, сострадания, всепрощения.

Дивный, озаренный лучами святости, образ истинно-русского человека из глубины минувших веков встает пред нами в лице св. Александра: светлый, практический ум, широта взгляда, могучая воля, беззаветная преданность своей родине, искренность и задушевность чувства, благородство и великодушие, неизменно-бодрое и трезвенное настроение духа, безпредельная любовь к Богу — вот те светлая черты, которыми изображается сей наш российский Иосиф — благоверный князь Александр Ярославич! Вот почему благоговейно чтит его наш православный народ, вот почему наши благочестивые Цари издревле почитают его своим небесным покровителем и молитвенником! Великий Петр, основав свою Невскую столицу на берегах той реки, имя которой на веки стало связано с именем св. Александра, перенес в нее, как бы в залог Божия благословения к новому стольному граду русской земли, св. мощи Александра и, поручая свой град его молитвам, основал славную лавру Невскую, как место достойного упокоения для великой святыни его нетленных мощей. И с тех пор все наши благочестивые Цари во всех обстоятельствах своей жизни, и скорбных, и радостных, притекают в эту Лавру, к св. мощам своего небесного заступника, и вот уже третий Император носит славное имя Александра, свидетельствуя тем, что в этом древнем русском князе наши Цари видят и для себя, и для своего народа, высочайший образец любви к Богу и к родной русской земле.

И кто не скажет, кто не сознается, что светлый образ князя-подвижника отображается на венценосных носителях его святого имени?.. Не будем говорить теперь о достославных Императорах — Александре Благословенном и Александре Освободителе, в вечность отшедших; для нас, сыны великой русской земли, довольно сегодня произнести одно превозделенное для нашего сердца имя — имя ныне царствующего Государя Императора Александра Александровича, чтобы с глубоким благоговением пред благостными судьбами Божиими, с трепетом истинно по-русски любящего сердца сказать: воистинну жив среди нас дивный образ древнерусского великого князя подвижника в лице нашего боговенчанного Царя! Не сомневаюсь, братие, что когда я изображал пред вами в кратких чертах светлый нравственный облик Александра Ярославича, многие из вас с любовью обращали свой мысленный взор на тезоименитаго ему благочестивейшего нашего Государя Императора. Но черты сходства идут далее душевных свойств их. Вспомним, что наш возлюбленный Государь вступил на праотеческий престол по смерти старшего брата своего, который умер во цвете лет, оставив обрученную ему невесту и уготованный ему царский престол...

То же самое мы читаем в житии св. Александра Невского: не думал он о чести великокняжеской, у него был любимый старший брат Феодор, который был уже и с невестой обручен: «свадьба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позваны, и бысть в веселия место плач и сетование»: Феодор Ярославич умирает... И Александр Ярославич становится законным наследником престола великокняжеского.

Припомните недавний голод, по грехам нашим посетивший многия области нашего Отечества: кто мощною рукою подал хлеб алчущим миллионам сынов родной земли? Наш возлюбленный, благочестивейший Государь Император. Он явился подражателем своего небесного покровителя и молитвенника. Не другому кому, а ему именно привел Бог положить начало и тому великому железному пути, который достигнет пределов отдаленных степей Монголии, куда ходил некогда Невский герой на поклон ханам ордынским, а теперь этот путь, даст Бог, понесет туда плоды христианского просвещения и будет полудиким народам говорить о славе имени Христова и могуществе Царя Православного... И что говорили иностранцы о св. Князе Невском, то не повторяют ли и теперь все народы о нашем благочестивейшем Государе? Не гремит ли имя его во всех концах мира, как имя миротворца, мудраго Царя, пред которым невольно склоняются главы завистников, как Сам Он смиренно и добровольно приклоняет свою вечную главу пред Царем Царствующим...

Возблагодарим же Господа, братие мои, в сей светлый день Царев, за то великое, несказанное счастье, какое мы имеем в лице своего Богохранимаго Царя, и помолимся, да почивает выну Божие благословение на нем и на всем Царственном Семействе Его, по молитвам Его небесного заступника и покровителя, св. благовернаго князя Александра Невского. Аминь.

Слово, сказанное в Сергиевой Лавре 1894г.

Толкование Архиепископа Никанора (Каменского), Казанского и Свияжского (+1910г.) на апостол в день св. благоверного князя Александра Невского

(Галатом 5:22-6:2)

Глава 5-я:

22. Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера,

23. кротость, воздержание. На таковых нет закона.

Дела духа называются плодами Святого Духа. «Злые дела, — говорит святой Иоанн Златоуст, — происходят от вас одних, потому апостол и называет их *делами плоти*, а добрые требуют не только нашего старания, но и человеколюбия Божия (т.е. благодати Духа)». По мысли преосвященного Феофана, «и здесь два рода, как и там. Против раздражения с его порождениями ставит апостол несколько добрых расположений, а против всех дел похоти — одно воздержание». Так как из дел духа прежде всего указывается любовь, то блаженный Иероним восклицает: «И какой из добродетелей прилично держать первенство между плодами духа, как не любви, без которой прочие добродетели не считаются добродетелями, от которой рождаются все блага? И в законе, и в Евангелии ей предоставлено главенство» (см. Втор. 6:5; Мф. 22:37). А святой Иоанн Златоуст говорит: «Кто может научить того, кто сам в себе имеет все и совершеннейшим учителем мудрости — любовь? Как кроткие кони, и сами по себе делающие все, не имеют нужды в биче, так и душа, делающая добро действием духа, не имеет нужды в предписаниях закона. Итак, апостол и здесь с удивительной мудростью отвергает закон — не потому, чтобы он был худ, но потому, что он ниже мудрости, подаваемой духом».

24. Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями.

25. Если мы живем духом, то по духу и поступать должны.

26. Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать.

Когда говорится *распяша плоть*, то под этим понимается тот нравственный переворот, в котором приступающий ко Господу дает обет не поддаваться греху до положения живота, на что и сила дается в Крещении. «Вся жизнь христианина

есть распятие плоти греха». «Чем же распяли, как не страхом Божиим, чистым, пребывающим во век века (см. Пс 18: 10), в котором боимся оскорбить Того, Кого всем сердцем, всей душой и всем помышлением любим. Распинаем же страх на том кресте, о котором говорит Господь: *возьми крест свой и следуй за Мной* (Мф. 16:24)». *Аще живем духом, духом и да ходим.* Это вывод из всего предыдущего. Апостол как бы говорит: «Итак, если живем духом, т.е. оставили мы стихийное благоугождение, свергли иго закона, то и ходить нам надлежит духом, т.е. с требованиями его сообразовать свой образ мыслей, чувств, расположений, слов, дел, поведения». «Совершеннейшим же и руководящим апостол говорит: не тщеславьтесь» . «Может быть, твердые в вере, непрестанно осуждая поколебавшихся, возбуждали споры. Их-то и увещевает апостол подать руку тем, которые преклонились закону», — говорит блаженный Феодорит.

Глава 6-я:

1. Братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным.

2. Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов.

Указав прежде на любовь как основное духовно-нравственное начало, которым должно быть проникнуто все поведение христианина, апостол теперь указывает некоторые примеры того, как должна обнаруживаться любовь в разных отдельных событиях. Так, он указывает, как христиане должны относиться к впадающим во грех, а именно: исправлять таковых мерами кроткими, как прилично людям, руководствующимся духовными началами, а не внешними материальными, причем внушается, прежде всего, каждому заботиться о себе, т.е. чтобы не впасть в грех, а потом содействовать исправлению других, терпеливо перенося те неприятности и тягости, которые происходят от впадения в грех немощных братьев, так как только взаимной помощью и содействием друг другу можно достигнуть возможной полноты и совершенства в исполнении закона Христова. Святой Иоанн Златоуст говорит: «Не сказал: наказывайте, или: осуждайте, но: *исправляйте*. Однако и на этом не останавливается, но, желая показать, что им должно быть крайне снисходительными к согрешающим, прибавляет: *духом кротости*. Сказав: *исправляйте духом кротости*, апостол внушает, чтобы не думал кто-либо, что исправляет, как должно, когда без жалости истязует грешника, насмехается над ним, с гордостью отверщается от него как будто от неисправимого. Поэтому и прибавляет: *блюдый себе, да не и ты искушен будеши*. Ибо ничто так не располагает к милосердию, как ведение собственной своей опасности. Что ни

скажешь ты в духе огорченного, то будет нападка наказующего, а не любовь исправляющего. Люби и говори, что хочешь». «Ты переноси его недостаток, а он пусть перенесет твой. Таким образом исполнится закон любви. Ибо любовь назвал апостол законом Христовым. Христовы эти слова: *заповедь новую даю вам, да любите друг друга* (Ин. 13:34)». «*Тяготы — грехи суть, как свидетельствует псалмопевец, подобно тяжелому бремени отяготели на мне* (Пс. 37:5). Это бремя понес за нас Спаситель, Своим примером научая нас, как и мы должны поступать. Он неправды наши носит, по нас болезнует (см. Ис. 53:4) и обремененных грехами призывает под легкое бремя добродетели (см. Мф. 11:30). Итак, кто, не отчаиваясь в спасении брата, подает ему руку потребной помощи и, сколько может, плачет с плачущим и своими почитает чужие грехи, тот через такую любовь исполняет закон Христов».

Слово Священномученика Фаддея (Успенского), Архиепископа Тверского (+1937г.) в день святого благоверного князя Александра Невского

Мы собрались сегодня, братие, для духовного празднования в честь святого благоверного князя Александра Невского. Но многие ли вполне отчетливо сознают, в чем состоит смысл и значение этого празднования? Одни, например, при мысли о праздновании сем вспоминают прежде всего о том, что святой благоверный князь Александр Невский сам побеждал врагов нашего отечества, а потому, думают они, доселе к нему следует обращаться с молитвою более всего о том, чтобы он споборствовал нашему отечеству в бранях и ныне. Другие, вспоминая, что святой благоверный князь Александр занимался государственно-общественной деятельностью, склонны сосредоточивать все внимание на этой стороне его деятельности. Но многие ли знают о том, что лежало в самой основе жизни и деятельности святого благоверного князя?

Если мы приведем себе на память, что более верою и молитвою, чем воинством, побеждал святой благоверный князь врагов своих, подготавливаясь к победе молитвою, постом и причащением Святых Тайн, если вспомним, что, имея всю возможность и множество поводов на княжеском престоле угождать себе самому, святой благоверный князь предпочитал быть отцом для граждан своего отечества, миловать нищих, вдов и сирот, что он, скончав земной подвиг, несенный им ради блага отечества, преимущества княжеского достоинства легко сменил на схиму, — то нам будет ясно, что жизнь святого благоверного князя являет в себе множество отблесков духовного образа того же самого «*нового человека, который обновляется по образу Создавшего его*» (Кол. 3, 10), каковой образ носили все вообще святые, в особенности же воплотили преподобные мужи, обитатели пустынь. У них научился многому святой благоверный князь Александр; у них учились и учатся, по крайней мере чрез писания их, едва ли не все общественные деятели, хранящие заповеди Христовы (например, привлечший особенную народную любовь святитель Иоанн Златоуст). О нашем долге уяснить себе черты этого духовного лика преподобных, напечатлеть их в умах и сердцах и по мере сил наших воплотить их в своей жизни — вот о чем напоминает нам ежегодное духовное празднование в честь святого благоверного князя Александра.

Услышав это, быть может, кто-либо подумает: «Неужели же и ныне нужно идти в пустыни, чтобы учиться у преподобных?» Конечно, пустыня есть истинное

и лучшее училище для желающих жить по духу Христову, ибо там более всего заботятся, всю жизнь свою посвящают тому, чтобы воплотить в себе образ Христов. У преподобных мужей должны бы были учиться и современные люди жизни духовной, ибо существо духовной христианской жизни одно во всех святых, так как нет особой религии для князей, для священников, мирян, воинов и различных общественных деятелей. Но если жизнь современного человечества слишком далека от того, чтобы увидеть в пустыне училище жизни, то обратимся к тому, что ближе нам, обратимся хотя бы к нашим писателям, которые являются для нашего общества главными руководителями мысли и даже жизни, и посмотрим, не найдем ли мы и у них сознательного или хотя бы невольного преклонения пред величием духовного лика преподобных и не отблеск ли этого лика в их духовном образе, отразившийся на художественном таланте этих писателей, увеличил силу общественного их влияния?

Не будем говорить о таких писателях, как Гоголь и Достоевский, Глеб Успенский, из которых первый с великим благоговением преклонялся пред религиозным идеалом жизни (смотреть особенно «Переписку с друзьями»), так что последние годы жизни его за неумеренное будто бы преклонение пред религиозным идеалом даже представляются многими в мрачном свете, а второй как бы переродился в каторге от чтения Библии, в своих писаниях проводил чисто христианский идеал и сам в Петербурге, в церкви Знамения Пресвятой Богородицы, нередко молился на коленях со слезами, третий причислял святителя Тихона Задонского и ему подобных к истинной народной интеллигенции («Власть Земли»).

Не будем останавливаться и на Льве Толстом, который не хочет признать ни науки, ни искусства самих по себе, если они отрешаются от религии; который говорит (в самообольщении, конечно), что живет единственно для Бога, для исполнения, как он выражается, воли Того, Кто послал его в мир. Остановимся на тех писателях, любимых нашим обществом, у которых, кажется, менее всего можно встретить преклонение пред подвижниками религиозного идеала.

Так, Салтыков-Щедрин говорит, что Евангелие возбудило в нем много совершенно новых мыслей: «Оно посеяло в сердце моем зачатки общечеловеческой совести и вызвало из недр моего существа нечто устойчивое, свое, благодаря которому господствующий жизненный уклад уже не так поработал меня... Я вышел из состояния прозябания и начал сознавать себя человеком. Право на это сознание я переносил и на других. Доселе я ничего не знал ни об алчущих, ни о жаждущих и обремененных, а видел только людские особи, сложившиеся под влиянием несокрушимых порядков вещей; теперь эти униженные и оскорбленные встали предо мною, осиянные светом, и громко

вопияли о прирожденной несправедливости, которая ничего не дала им, кроме оков».

Лесков любил молиться наедине, крестился, когда выходил из дома, и в объяснение этого говорил: «Крест напоминает Того, Кто пострадал на нем... Поминать Христа следует чаще, чем мы это делаем». Лесков говорил, что «хочется ему скорее перейти в иной мир», где будет «лучше». «Дух мой растет и крепнет. Он уже теперь (перед смертью) освобождается от земной оболочки и рвется более совершенным к Творцу вселенной. Это моя религия... без религии нет и нравственности... нельзя нравственность создавать без религии: на чем вы ее оснуете?..»

Чехов не любил положительно и определенно высказываться о Боге и вообще о вопросах религиозной жизни. Но и он с заметным сочувствием останавливается в произведении «Мужики» на событии, когда по селу носили Живоносную. Это событие было истинным праздником в селе, все испытывали особенное возвышенное настроение, увидели, что еще не порвана окончательно связь земли с небом и возможно просвещение оттуда земной непроглядной жизни деревни.

В другом произведении («Моя жизнь») Чехов говорит: «В самом деле, были (в жизни мужиков) и грязь, и пьянство, и глупость, и обманы, но при все том, однако, чувствовалось, что жизнь мужицкая в общем держится на каком-то крепком, здоровом стержне. Каким бы неуклюжим зверем ни казался мужик, идя за своей сохой, и как бы он ни дурманил себя водкой, все же, приглядываясь к нему ближе, чувствуешь, что в нем есть то нужное и очень важное, чего нет, например, в Маше (дочери инженера) и в докторе (Благово), а именно: он верит, что главное на земле правда и что спасение его и всего народа в одной лишь правде, и потому больше всего на свете он любит справедливость».

Наконец, Горький, хотя многих из своих героев выводит безрелигиозными и даже восстающими против Бога, но и он останавливается перед существованием в человеке совести, не замолкающей даже на крайней ступени падения человека (рассказ «Тоска»), говорит, что «человек всюду носит в себе Бога... Я пришел снизу, со дна жизни, оттуда, где грязь и тьма, где человек еще полуживотное, где вся жизнь — только труд ради хлеба... но и там сверкают на солнце не оцененные алмазы великодушия, ума и героизма, и там есть любовь и красота... в крупницах, в малых зернах, да! — но есть». Не говорим уже о таких типах, как Лука странник («На дне»), в которых Горький еще более приближается к народному идеалу истинного человека.

Итак, если чтимые нашим обществом писатели или сознательно, невольно преклоняются перед религиозным идеалом Евангелия, перед народным идеалом,

а этот последний есть идеал преподобных, то пусть и из нас никто не считает религию лишь одною из числа тех обязанностей, которые исполнить требуется общественными приличиями или необходимостью; пусть религия, вера во Христа будет для нас действительно тем, чем всегда сознательно или хотя невольно признавали ее и лучшие наши писатели, то есть основою нашей жизни, глубочайшим жизненным нервом, управляющим всеми ее движениями.

Приложим заботу к тому, чтобы хотя изредка, хотя временами сердце наше согревалось для любви к Богу, во время молитвенных собраний и в различных случаях жизни приходило оно в умиление! И как вера святого благоверного князя Александра и других святых *«побеждала мир»* (1 Ин. 5, 4), так пусть побеждает она и в нас «мир» со страстями его, да одушевляет на подвиги любви и на исполнение заповедей Христовых! Аминь.

Проповедь протоиерея Георгия Митрофанова о святом благоверном князе Александре Невском

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сегодняшний день, дорогие братья и сестры, является днем поминовения святого благоверного и великого князя Александра Невского. На протяжении многих десятилетий этот праздник был одним из самых почитавшихся местных праздников в Санкт-Петербургской епархии, и многие десятилетия именно святой благоверный и великий князь Александр Невский почитался ходатаем и заступником Петербургской земли. Проходили многие десятилетия, и опыт поколений христиан нашей епархии свидетельствовал о том, что именно этот святой подвижник благочестия находится в какой-то глубокой и очень явно ощущаемой, явно проявляющейся в нашей жизни связи с нашей землей. И сегодня этот праздник призван заставить нас задуматься не только о нашей духовной, но и о нашей исторической жизни, ощутить себя не только христианами, но христианами Русской Православной Церкви, христианами нашей с вами епархии.

К сожалению, случилось так, что в течение многих веков святой благоверный великий князь Александр Невский представал, прежде всего, в образе грозного побеждающего воина. И то, может быть, самое главное содержание его служения, самые главные особенности его личности, которые, наверное, и сделали возможным его прославление как святого, укрывались от внимания очень многих православных христиан. И для нас с вами сейчас святой благоверный князь Александр Невский, который по праву считается идеалом русского князя, русского Государя, русского государственного человека, предстает прежде всего как полководец, как победитель шведов и немцев на северных землях Руси. Но если бы служение его было связано только с этими победами, а я напомню вам, что свои победы он одержал в Невской битве, когда ему было всего лишь 20 лет, а в битве на Чудском озере, когда ему было всего лишь 22 года, если бы он таковым молодым отважным полководцем и остался в истории Руси, наверно, не суждено было бы ему стать святым, ибо главные свои победы одерживал и претерпевал он в своей дальнейшей жизни, о которой мы, как правило, очень мало размышляем.

Постараемся, дорогие братья и сестры, вспомнить тот аспект его жизни и служения, который нередко укрывается от нашего взора. В 22 года он стал одним из самых знаменитых князей русской истории. Страна, только что потерпевшая страшное поражение от монголов, в его лице одержала 2 блистательные

победы. Величие святого Александра Невского было столь очевидно, что даже Рим признал в нем самого сильного, самого могучего русского князя и направил к нему своих послов, предлагая ему коронацию от папы Римского и императорский титул в обмен на выражение своей верности Риму. И было от чего возгордиться молодому человеку: он, действительно, не имел равных себе среди всех русских князей, и перед ним открывалась замечательная перспектива стать одним из немногих европейски признанных русских государей.

Но его беспокоила судьба Руси. И не просто судьба Руси, ибо судьба Руси на многие десятилетия была предрешена монгольским завоеванием, избавиться от которого у русского народа тогда не было сил. Его беспокоила прежде всего судьба православной веры. Он готов был повернуть свое оружие и против монголов, если бы была надежда на какую-то реальную победу. Он взял бы себе в союзники, возможно, и европейских рыцарей, если бы была надежда на то, что их помощь России будет действительно значительной, и что они не потребуют взамен от русских православных христиан отказаться от их православной веры. Но такой надежды не было, и будучи еще совсем молодым государственным деятелем, святой Александр Невский понял это. И тогда он решился поступить так, как, наверное, ему было поступить труднее всего. Он решился не поднимать своего меча против монголов, но решился силой своего смирения, преклонением своих колен перед монгольским ханом спасти Русскую землю от новых опустошительных набегов. И вся дальнейшая жизнь великого победителя шведов и немцев, единственного русского князя той эпохи, который увенчал себя значительными военными успехами, стала жизнью государя, который приносил себя, свое доброе имя, свое мирское благополучие в жертву во имя того, чтобы спасти свой народ. Его главное государственное дело заключалось не в битвах, в которых он одерживал победы, его главное государственное дело заключалось в том, что он не менее пяти раз ездил в Орду и, стоя на коленях перед монгольскими ханами, молил, их о том, чтобы они не облагали Русь еще более тяжелой данью, нежели та, которая была наложена на нее, чтобы они воздерживались от новых опустошительных набегов на нее. Делал святой Александр Невский это не по слабости, но по силе, не по трусости, но по великой духовной отваге, ибо знал: попытка поднять оружие против монголов обречет Русь на новые жертвы, на новое кровопролитие. И многие современники не могли понять, что делает этот странный князь, этот молодой герой, почему он вдруг превращается в смиренного просителя за Русскую землю вместо того, чтобы поднять за собой народ на борьбу с монголами. И многие, даже близкие родственники, братья называли его изменником, обвиняли его в трусости, упрекали его в корысти, в желании с помощью монголов укрепить свою власть над Русью. И, может быть, это было самое страшное испытание для него, ибо для

князя, для государя гораздо легче было погибнуть величественно на поле брани, нежели годами нести на себе клеймо отступника и предателя, нести это клеймо и знать, что он продолжает осуществлять, может быть, самое главное и необходимое тогда для России служение — служение во имя ее спасения. Ибо святой Александр Невский знал одно: да, монголы — это завоеватели русской земли, да, монголы — это поработители русского народа, но они не поработили души этого народа. Православная Церковь при монголах не подвергалась никаким гонениям, а возможность гонений на Русскую Церковь со стороны католического Запада была тогда весьма велика. И вот во имя спасения Церкви, в сохранении которой он видел залог возрождения будущей Православной Руси, он брал на себя бремя унижения.

При жизни святой Александр Невский не вкусил большой славы, хотя слава его началась уже в ранней юности. Большую часть своей жизни он воспринимался как князь-предатель и князь-отступник многими, но не всеми. Уже тогда находились люди, которые понимали, что русский государь делает единственно возможное в этих трагических исторических обстоятельствах дело. Он это дело делает, может быть, самым трудным образом, и слова, которыми много веков позже святой патриарх Тихон определил свое служение: «Пусть имя мое погибнет для истории, лишь бы Церковь была жива», — эти слова стали за много веков до патриарха Тихона принципом жизни святого благоверного князя Александра Невского. И вот в этой удивительной способности принести в жертву свое славное имя, отказаться от очень ярких, очень завораживающих посулов мира сего: стать коронованным императором Руси, приняв корону из рук папских легатов — заключался главный подвиг святого благоверного князя Александра Невского, подвиг очень трудный, ибо отец его был отравлен монголами, и самому ему пришлось принять смерть во время возвращения из Орды, и до сего времени существует мнение о том, что его ранняя смерть в 1263 году, а именно сегодняшней день является днем блаженной кончины святого благоверного князя Александра Невского, стала результатом его отравления монголами. Он погиб не на поле брани военной, но на поле брани политической, от исхода которой зависела тогда судьба Руси.

Он думал только о Руси и жил только Русью и ради нее был готов жертвовать всем: не только своей земной жизнью, но и своим добрым именем, И блаженная кончина святого Александра Невского, которой предшествовало пострижение в схиму, стала моментом, когда Русь признала в нем не просто великого государственного деятеля, но одного из своих великих святых, И для нас с вами сегодня его образ, который являет нам идеал русского государственного человека, должен стать определенного рода путеводной звездой, когда мы размышляем об исторической судьбе России.